

оставшихся для меня загадкой верлибров.

Алексея сменила Аня Круглякова. Первое, что она прочла, было стихотворение о кошке, полосатой на вид — Аня и сама была в полосатой кофточке. После него Аня прочла ещё несколько стихотворений — какие-то из них были написаны с соблюдением ритмики и использованием рифм, какие-то верлибром. Тем временем в «Мир Приключений» приехал опоздавший Алексей Караковский — впрочем, приехал тихо и осторожно, сел общаться с редакторами, и прибытие его осталось в тот момент почти незамеченным («За этим столиком у нас ставка в Филях — значит, вроде как, филейная часть зала», — донеслась до меня шутка Алексея).

После Ани Кругляковой к микрофону вышел Фёдор Иванов — на вид самый молодой из участников «Анакрузы». Фёдор прочёл едва ли не десяток стихотворений — простеньких по форме, но иной раз на грани заумных, в духе ОБЭРИУ, по содержанию. Помимо, собственно, чтения, Фёдор активно управлял залом — говорил, когда можно и поаплодировать, спрашивал, что стоит читать, а что нет. Под конец его попросили прочесть стихотворение, состоящее почти сплошь из названий западных торговых марок и заканчивающееся возгласом: «Блин, а наше где?!», что он и сделал.

Я рассчитывал, что после Фёдора Артём Шепель позовет выступать, в силу уже наметившегося чередования, девушку, но он нарушил мои ожидания, и выступать стал Владимир Аватков. Владимир прочёл несколько стихотворений, проникнутых философским духом и на соответствующие темы (о сущности стихов, о бесконечности бытия), и я отметил в его творчестве неточность рифм и часто меняющийся ритм.

Следующей выступала Наталья Власова. Стихи её, на фоне творчества предыдущих выступавших, были выстроены довольно необычно, и ритмика задавалась не столько количеством слогов и расстановкой ударений, не столько рифмами (впрочем, и тем, и другими и третьим Наталья владеет), сколько введением тематического рефрена. Особенно заметно это было при чтении Натальей первого стихотворения — рефреном в нём была тема нужды в определённых действиях («Очень нужно порой...»).

После Власовой выступала Даша Воробьёва, представленная Артёмом Шепелем следующим образом: «Не влезла в «Анакрузу» только потому, что к началу фестиваля успела поступить в институт». Даша прочла пять стихотворений, первое из которых запомнилось мне своими «бродскими» рифмами, а третье — завершающими словами: «Ладно. Вздогнули. Живём!».

Затем Артём объявил Настю Ермашеву. Меня поразила наполненность первых из читаемых ею стихотворений металлическими субстанциями: первое было про оловянную память, второе — о чём-то железном, нерукотворном; впрочем, чтение второго стихотворения Настя прервала, заявив, что не получилось, и дальше декламировала что-то скорее пространственно-геометрическое (о плоскости страницы, а затем — о линии телефонного провода).

Настю сменила у микрофона Ольга Кожевникова и начала с чтения текста, с которым заявлялась на «Анакрузу». И в самом деле, чаще из её уст, кажется, звучали не стихотворения, а тексты песен, причём иной раз довольно пафосные («Давай закончим наш вечерний разговор...», «Рождённый на земле»). Завершающее стихотворение было ритмически выстроено очень необычным образом — строчка в два слога, затем строчка в девять. Краем уха я услышал, как Сергей Алхутов и Наталья Безюк обсуждают этот текст — Алхутову он показался славянским, а Наталье готическим.

Отвлёкшись на редакторов Точки Зрения, я обратил внимание и на перемещения её основателя — Алексей Караковский куда-то отошёл. Оглянувшись вслед за ним, я увидел в дальнем зале «Мира Приключений» заявленную в основной программе Елену Баринову. К ней-то и направлялся Алексей. А навстречу ему двигалась девушка с гитарой.

Именно её объявил следующей Артём Шепель. Девушку, как оказалось, зовут Ира Иванова. Она так и вышла к микрофону — с гитарой, — но петь не стала, а прочла семь-восемь стихотворений, в том числе довольно сильных (например, о судьбе некоего неназываемого сперва предмета, в конце оказывающегося окурком: «когда-то он был сигаретой»). Некоторые стихи Иры были выстроены так же, как тексты Натальи Власовой, — ритм задавался чередованием тем («Когда я ..., / Я чувствую ...»). Ну, а самым сильным текстом, на мой взгляд, были стихи, начинающиеся строчками наподобие: «Когда я одеваю джинсы, я чувствую себя парнем / Когда я одеваю юбку, я чувствую себя душой».

Я никак не ожидал, что вслед за молодыми поэтами Артём вызовет к микрофону Алексея Караковского. Но это случилось. Алексей был представлен Артёмом как член жюри фестиваля подростковой поэзии «Анакруза» — видимо, именно поэтому он не стал петь, а начал читать стихи, что делает нечасто. Первые три стихотворения были написаны им давно, в едва ли не подростковом возрасте, и выдержаны в классической манере, а семь новых написаны верлибром и проникнуты, подчас, такой тоской, что хотелось не то заплакать самому, не то утешить Алексея. Впрочем, искусство, конечно, следует отличать от жизни. Как мне удалось выяснить, эти тексты были своеобразным анонсом предстоящего 7 мая выступления Алексея Караковского на XIII Фестивале Свободного Стиха, куда он был приглашён в составе пятидесяти лучших поэтов-верлибристов страны.

После Алексея вышла читать свои стихи запомнившаяся многим по предыдущим Литературным Воскресеньям Настя Сторонкина. Она прочла пять стихотворений, одно из которых показало мне, что Настя великолепно владеет ритмом — написано оно было двустопным двусложным размером, причём первая стопа ямбическая, а вторая хореическая («Писать письма/Всегда сложно...»). Вместе выходило настолько энергетически насыщено, что не завёлся бы, наверное, только сломанный.

Когда выступила Настя, Артём пригласил к микрофону ещё одного члена жюри «Анакрузы» — Веру Щёлкину, известную больше как Лас (Лас была на одном из предыдущих Литературных Воскресений и опубликовала свой репортаж с него в Акции.Ру). Вера прочла несколько динамичных стихотворений, иной раз предпосылая им ситуации, вызвавшие стихи к жизни (например, она сообщила залу о некоем православном священнике из Америки, что призвал свою паству сопротивляться гей-параду с использованием всех возможных средств, включая булыжники и отрезки арматуры).

Следующим был Владимир Жбанков. Владимир читал громко. Даже когда после первой декламации он пообещал прочесть несколько тихих стихотворений, всё равно выходило довольно громко. Мне вспомнился стиль декламации бывшего редактора ТЗ Алексея Всегдара, а услышав последние строчки одного из стихотворений Владимира — «И выл до последнего, мёртвых страшней», — я с трудом подавил соблазн отнести их к кому-нибудь, кроме литературного персонажа.

Сменившая Владимира Ксана Небабова читала значительно тише. Мне запомнилось довольно сильное использование «банальной рифмы» «кровь-любовь» в начальной позиции стиха — «Любовь и голуби -/Кровь и кафель» (здесь, конечно, не только

смещение в начальную позицию, но и аллюзия к фильму, и «торчащий» из привычно-банального семантического окружения «кафель» — в общем, не надо бояться банальностей, надо их умело использовать, подумал я).

Артём объявил перерыв, и я очень удивился, не услышав Елену Баринову в основной программе. Кажется, она ушла (потом выяснилось, что причина была более, чем уважительная). Впрочем, пятнадцать выступивших — это много, это рекорд, и становиться в рекордно длинную очередь пожелает не всякий.

После перерыва начался свободный микрофон, и открыл его ведущий. Прежде прочего Артём выступил в неожиданной для меня роли — взяв в руки гитару, спел нечто среднее между рэгги и кантри (если сбивался с ритма) на стихи Николая Гумилёва «Мир — лишь луч на лике друга» (в прошлое воскресенье, подумал я, с лёгкой руки ФРИ Гумилёв уже переворачивался в гробу, так что ему не впервой). Затем Артём прочёл два своих стихотворения — «Я не могу тебе принадлежать...» и «Ты+я» — отличный пример того, что при, казалось бы, банальном названии стихотворение может быть написано талантливо, и не стоит во всём гнаться за явной новизной.

После Шепеля вновь вышел к микрофону Караковский. На этот раз Алексей был с гитарой — и ограничился исполнением своего перевода рок-н-ролла Элвиса Пресли, заведя весь зал, после чего попрощался с присутствовавшими и покинул «Литературное Воскресенье».

Вот тут микрофон и стал свободным — почти ни один из записавшихся на него после Алексея не был светилом сетевой литературы, а были это просто в большей или чуть меньшей степени талантливые ребята и девчонки; впрочем, оказывались среди них и умудрённые опытом мужи.

Девушка, представившаяся Настей, но существующая в литературе под псевдонимом Коди О'Коннор, прочла четыре ямбических вирши на любовную тему.

Сюзанна Аветисян вышла не к одному микрофону, а к двум, потому что в руках у неё была гитара. Кроме гитары, у Сюзанны волшебный голос, которым она отлично владеет, допуская вибрацию, свободно выводя рулады, переходя, где следует, на фальцет — словом, пользуется таким техническим диапазоном, который, к сожалению, не используется ни бардами, ни рок-певцами, ни даже джазистами, и поэтому вокальный стиль Сюзанны был совершенно непривычен публике и, возможно, ассоциировался с качественной попсой. Но если попсе, как правило, больше нечем брать, то песни Сюзанны включали в себя богатейшую мелодику и гармонию, глубокие тексты и, при этом, достаточно простой, но не навязчивый гитарный аккомпанемент. Слушая Сюзанну Аветисян, я почему-то вспомнил, что «космос» по-гречески означает «украшенный».

Ксения Половинкина прочла четыре стихотворения, строящиеся на подчас парадоксальном сочетании слов и образов («Иди сюда, я тебе сотворю любое добро» — начало строчки, вообще-то, не предвещает ничего хорошего, а вот же...).

Вновь вышедшая к микрофону Ира Иванова на этот раз использовала гитару — спела песню «Я ухожу по-французки, не прощаясь, по-английски матерясь и по-русски напиваясь», по мелодике похожую на творчество раннего БГ.

Дмитрий Гориниченко прочёл три дольника с посвящениями (два — поэту, и третий — погибшим в Чечне псковским десанникам) и пять стихотворений, построенных на

классических размерах, большая часть из которых тоже была кому-нибудь посвящена. Читал он не очень выразительно, но стихи были любопытны. Чтение Гориниченко ознаменовалось прибытием в клуб известного поэта Фёдора Назарова.

Знаменитый поэт Андрей Насонов читал только одно стихотворение, зато длинное, с вызывающе, нарочито, по-маяковски неточными рифмами, и вольным метром, посвящённое Союзмультифильму. Заканчивалось оно так: «Я только хотел бы, чтобы пройдя через врата и фильтры./ Моя душа попала в Союзмультифильм».

Александра Володина прочла три стихотворения с философской тематикой.

Ольга Лапина декламировала с артикуляцией — четыре её стихотворения: «Ревность», «Чудесная лампа», «В голове всё та же нота...» и «Миражи» — были исполнены отменно, да и написаны неплохо.

Победитель «Анакрузы» Алексей Прокофьев вышел на этот раз не читать, а петь, и спел (довольно протяжно и невнятно, но по-английски) две песни — Майкла Пита и группы «Пагода» и Курта Кобэйна с «Нирваной». Вероятно, когда слушаешь иноязычные тексты, важны не столько слова (которых многие не понимают), сколько драйв — но драйв у Алексея был, к сожалению, минимальный.

Следующим Артём Шепель объявил Олега Любецкого и добавил как бы скромно, но с затаённой гордостью: «Мой отец». Отец Артёма оказался пожилым джентльменом, пишущим религиозно-философскую лирику, больше интеллектуальную, чем эмоциональную.

Далее к микрофону вышла Наталья Басалаева и сразу сказала, что пьяна. Она иногда забывала слова, отказывалась читать начатое, но то, что она прочла, было сделано довольно мощно и лаконично. Под конец — видимо, устав от необходимости говорить на родном языке, Наталья прочла стихотворение по-французски. Я ничегошеньки не понял, но идущий от Натальи драйв поймал.

Следовавший за Натальей Виктор Григорьев, мужчина не то, чтобы в годах, но и не молодой, прочёл четыре стихотворения, причём некоторые из них показались мне вторичными (например, «Кабаки вы мои, кабаки» явно отсылало к не менее чем тридцатилетней давности песне Евгения Бачурина «Дерева вы мои, деревья»). Возможно, не всё, что задумано как аллюзия, воспринимается мной как аллюзия, а возможно, творчество Григорьева принадлежит сфере «переделок» — не пародий, но явно вторичных, но самоценных своей комбинативностью текстов, ремиксов и римэйков (типа: «Однажды в студёную зимнюю пору/сплотилась навеки Великая Русь»).

И вот, наконец, свобода микрофона переросла в едва ли не обязательность и предсказуемость — Артём стал вызывать ветеранов.

Наталья Безюк начала, подобно выступавшему в основной программе Алексею Караковскому, с юношеских стихов. Она написала их, согласно её признанию, в 16 лет, да ещё и на спор, а начинались они с пушкинской строки: «У лукоморья дуб зелёный». Затем Наталья прочла стихотворение о мальчике, который был рыжим, как апельсин (я вспомнил стихотворение Караковского «Мандаринка»), потом отрывок из поэмы о Нострадамусе, заставивший всех замереть и примерить пророчества к себе, и, наконец, стихотворение «Новый Иосиф».

Наталью сменил Вячеслав Памурзин и прочёл два, как всегда, талантливо написанных и при этом, как часто, злободневных для собравшихся текста. Мне особенно запомнилось первое стихотворение — в нём Вячеслав повествовал о принцессе поэтических вечеров и о встретившемся ей короле, ставшем таковым из-за двух сборников по 1000 экз. (в стихотворении слово «экз.» так и стояло — сокращённым).

Вечер завершил Сергей Алхутов — 31-й (тридцать первый) по счёту, если считать вместе с основной программой, выступающий; а само выступление, если выступивших дважды так и считать за двоих, было 34-м. Сергей показал, что и в такой длинной очереди можно быть единственным — и вовсе не потому, что читал он прозу. Скорее потому, что проза эта была отменной. Называлась она невнятно, но на пятой минуте чтения я вдруг вспомнил, что точно так же никогда не мог запомнить название главной конфуцианской книги — «Лунь Юй». Присутствующие следили, затаив дыхание, за парадоксальным, порой провокативным ходом мысли героя сборника алхутовских миниатюр, восточнославянского Учителя XI-XII века Евлампия Изборского, свидетеля половецких набегов и стремительной христианизации Руси. Кажется, это имя фигурировало в одной из читанных Сергеем прежде миниатюр вместе с именем Роджера Бэкона.

Сергей дочитал прозу, Литературное Воскресенье закончилось, и я поспешил домой укладывать в голове столь огромную массу услышанного и увиденного. Как видите, времени понадобилось немало!...

Публикация: <http://lito1.ru/text/51295>